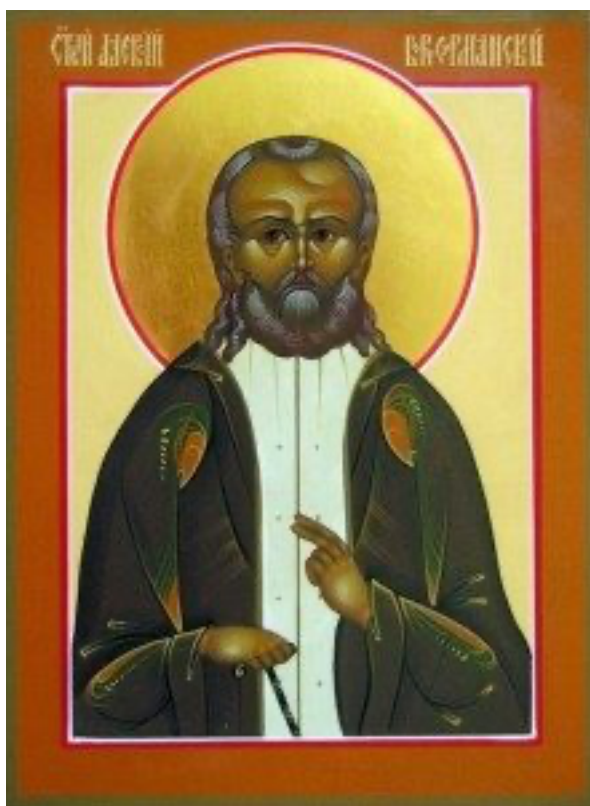

Праведный Алексей Бортсурманский

Праведный Алексей Бортсурманский

Родился святой праведный Алексей Гнеушев 13 (26) мая 1762 года в семье священника. Когда пришло время, отец отдал его в духовную семинарию — в Нижний Новгород. Вышел он из нее на двадцать втором году и перед священством вступил в брак. В том же году был рукоположен Преосвященным Нижегородским Дамаскином во диакона к Успенской церкви села Бортсурманы Курмышского уезда Симбирской губернии (ныне Пильнинского района Нижегородской области), а через тринадцать лет Преосвященным Нижегородским Павлом поставлен во священника к той же церкви. При ней он служил до глубокой старости, у стен ее был похоронен, в ней ныне покоятся его честные мощи.

Первое время своего служения отец Алексей не отличался особенной строгостью жизни и предавался иногда пьянству. Но жизнь его круто изменилась после одного случая. Раз как-то ночью приехали его звать к умирающему в соседнюю деревню. Отец Алексей рассердился на посланного, стал ему выговаривать за то, что он тревожит его по пустякам, что, верно, больной не так уж плох и доживет до утра, что нечего было будить его ночью; отправил посланного назад, а сам лег спать. Но заснуть, однако, не мог: все ему мерещился крестьянин, к которому его звали. Наконец он не выдержал и поехал к нему, но застал крестьянина уже мертвым на лавке под образами, а рядом с ним стоял Ангел со Святою Чашею в руках... Это видение так поразило отца Алексея, что он упал на колени перед покойником и всю ночь молился. Вернулся домой он уже другим человеком. С этого дня он всего себя посвятил служению Богу и людям; с этого дня начал вести праведную, подвижническую и святую жизнь, которой не изменил до самой кончины. Каждый день он неизменно служил обедню и, насколько было сил и возможности, придерживался монастырского устава. Келейное правило у него было такое: полуночное — полуночица, двенадцать псалмов избранных, житие святого того дня, из Пролога поучение того дня; утреннее — молитвы утренние, часы, акафист или преподобному Сергию, или великомученице Варваре, или святителю Митрофану; полуденное — четыре кафизмы; вечернее — канон Спасителю с акафистом, канон Ангелу Хранителю, молитвы на сон грядущим; и при этом он клал поклоны с молитвой Иисусовой. Ночью при всяком пробуждении также клал поклоны — вообще в течение суток полторы тысячи.

Все время, которое оставалось у него от треб и служб церковных, он принимал приходивших к нему людей. Желавших предпринять какой-нибудь подвиг он или благословлял на него, или же отговаривал, смотря по Божию откровению и указанию; больных и немощных исцелял святыми молитвами своими; страждущих утешал и укреплял словом Божиим; порой читал приходившим к нему наставления, но всегда с такой кротостью и любовью, что невольно привлекал к себе сердца и глубоко действовал на слушателей. Единственными, к кому он относился с большой строгостью, были колдуны и ворожеи; их он даже не впускал к себе и приказывал передавать им, что примет их только тогда, когда они покаются перед Богом и бросят свое бесовское занятие. Порицал он не только самих колдунов, но и всех, кто к ним обращался.

Бедных и неимущих отец Алексей наделял чем мог. Часть денег, которые он получал от богатых почитателей, он отдавал на украшение бортсурманской церкви, остальные раздавал неимущим. Сам он ничего с них не брал, даже за исполнение церковных треб. Бедным раздавал холсты, чулки, лапти собственной работы и другие вещи. Лапти плел обыкновенно после обедни, садясь на лавочке перед своим домом. Очень часто крестьяне, которых постигало бедствие, например, пожар или падеж скота, находили у себя неизвестно кем подкинутые деньги, которые помогали им заново отстроиться и поправить хозяйство. Никто не знал, откуда приходила им эта милостыня, пока однажды не увидели, как отец Алексей тайком клал деньги одному погоревшему мужику. Порой, когда у отца Алексея оставалось немного свободного времени, он занимался полевыми работами и разного рода домашними делами. Был у него небольшой пчельник, который он сам завел.

Как сам отец Алексей не любил праздности, так и других всегда учил трудиться. Семейство отца Алексея состояло из жены Марии Борисовны, женщины очень трудолюбивой и набожной, сына Льва и двух дочерей, Надежды и Татьяны. Позднее у него жили приемная дочь Матрена и родной брат его Александр, заштатный диакон.

За праведность свою получил отец Алексей от Бога дар исцеления и прозорливости. Удостоился он также от Бога многих видений и откровений. Одно из видений записано игуменией Арзамасского монастыря Марией, которую отец Алексей очень уважал и которой рассказывал про себя то, чего не открывал другим людям. Вот как она говорит: «Во время опасной болезни, когда сей праведный старец лежал на одре своем с великим терпением, он удостоился слышать такое сладкое пение, которое никакой язык человеческий передать не может, и Сама Царица Небесная с великомученицей Варварой, одетая в белые ризы, посетила раба Своего страждущего и без всяких врачей сотворила его здрава».

Сам отец Алексей также записывал свои видения и откровения, и в его записках говорится, что однажды ночью ему явился Господь Иисус Христос в царской одежде, пришедший с неба, и благословил его. Рядом со Христом стояли три девы в белых одеждах, то есть три добродетели: Вера, Надежда и Любовь. Явилась с неба и Царица Небесная, и слышал он голос, который вещал: «Сей есть Сын Мой Единородный, Сын Божий».

Во время французского нашествия, в 1812 году, отец Алексей молился за обедней, чтобы Господь даровал России победу над врагом, и вдруг он увидел Ангела, посланного Богом, который возвестил ему, что силы небесные двинулись на помощь, что враг будет сокрушен и что возрадуется вся Россия.

Однажды за обедней, когда отец Алексей произносил слова: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый...» — он услышал голос, сходящий с неба на Тело и Кровь Христову, и голос тот вещал: «Сей есть Сын Мой возлюбленный».

В другой раз святой Алексей услышал райское пение и увидел Самого Господа, Который повелевал ему пасти стадо Христово: «Паси овцы Моя, паси избранные Моя, и внемли стаду Моему, Аз же ты поставих над оным стадом горою святою Моею и стража Церкви».

14 февраля 1814 года за Божественной литургией возвещено было ему от Ангела Господня, что с этого дня он начал проходить ангельскую службу (по-видимому, слова эти означали, что служение святого Бог принял как монашеское, равноангельное, хотя он и не принимал монашеских обетов), и в ту же ночь в сонном видении он поклонялся в алтаре Сущему в огне и в свете неизреченном, Самому Богу.

За девять лет до своей кончины отец Алексей вышел за штат и передал свое место отцу Павлу Вигилианскому, женатому на его внучке от старшей дочери Надежды. Передав свое место, он передал также и все заботы по дому и хозяйству отцу Павлу и уже больше не входил в них. Сам он перешел в малую келью, построенную под одной крышей с домом. В келье этой было одно окно, всегда занавешенное, которое выходило к церкви. Удалив от себя всякие мирские хлопоты, святой предался молитвенному подвигу. Домашние не тревожили его в уединении и приходили только в тех редких случаях, когда требовались их услуги.

На вид отец Алексей в это время был совсем дряхлым и согбенным старцем. Лицом своим, как говорят, он был очень похож на преподобного Серафима. Глаза светились миром и любовью, какой-то внутренней духовной радостью и словно озаряли все вокруг него. Взор у него был проникновенный. Казалось, что он насквозь видел каждого человека и читал в его душе самые сокровенные мысли. Роста отец Алексей был небольшого и очень худ. Голос у него был тихий и

мягкий, как в обыденной жизни, так и при совершении службы Божией. В одежде он придерживался крайней простоты и суровости, как и вообще во всей своей обстановке. Белье носил из простого крестьянского холста; рясы он почти не надевал, а ходил в полукафтани из грубой ткани. Последние тридцать лет своей жизни он совсем не мылся в бане, а под конец носил власяницу, в которой его и похоронили по его желанию. Спал он на жестком войлоке; ходил постоянно в лаптях, а сапоги надевал только в храм Божий. К старости от долгих молитвенных стояний у него сильно болели и пухли ноги, и он дома иногда ходил в вязанках. В маленькой убогой келье его были только небольшая печь, жесткая постель, стол с несколькими стульями и аналой, поставленный перед образом с теплящейся лампадкой.

Главным занятием его была молитва и совершение служб церковных. По заповеди апостольской отец Алексей молился непрестанно. Он и раньше придерживался монастырского устава и имел большое келейное правило, а тут, с переходом в келью, он уже со всей строгостью мог исполнять их. В какое бы время ни входили к нему, его всегда заставляли молящимся. Служил отец Алексей почти каждый день, даже и тогда, когда вышел за штат. Уставов он не любил сокращать и всегда строго относился к небрежности в службе. Пищу вкушал только один раз в день. Мяса не употреблял совсем. По средам и пятницам не вкушал ничего горячего; строго соблюдал посты и во время постов не вкушал ни рыбы, ни масла. В первую и последнюю неделю Великого поста никто в доме не знал, чем он питался; в эти дни, по его приказанию, ему вовсе не приносили никакой пищи.

Так велика была его вера и любовь ко Всемогущему Богу, так глубоки и искренни были его молитвы, что враг рода человеческого, по своей исконной злобе к Богу и людям, не мог оставить его в покое и посылал ему многие искушения. Про искушения эти отец Алексей рассказывал игумений Марии, и вот что ею было записано с его слов: «Во время ночных молитв и поклонов враг так сильно смущал его, что приподымал от земли и сильно ударял об пол, и только Божие подкрепление и защита хранили его. Когда же, по немощи телесной, он успокаивался сном, то и тут бесы не оставляли его разными пилениями; например, толкали его и кричали: «Что ты спишь? Царь идет», или: «Пожар у тебя в келье, и ты погибнешь», или: «Воры расхитят все у тебя!» Каждый раз, пробуждаясь от таких видений, праведный иерей творил поклоны или читал Псалтирь и тем укреплял телесную немощь».

В собственных записках отца Алексея есть такие слова: «Попусти Бог на мя искушение, и множество многое диаволов снидися; едва-едва мог именем Господа Бога моего избавиться от них. И литургию едва мог отпраздновать, сопротивляхся им, и заступи мя Пречистая Богородица Владычица и святые Ангелы и угодники Христовы, а, впрочем, что скорбен и болезней от злых диаволов принял, также ночных злых видений Божиим попусшением за грехи мои тяжкие, но милостию Божиею спасен был».

Однажды, измученный диавольскими искушениями, отец Алексей молился перед образом Спасителя, чтобы Господь разлучил его душу с телом. В ответ на эту молитву отец Алексей увидел, что образ Спасителя прослезился, и услышал голос, который обещал ему венец праведный.

Как сам отец Алексей молитвой и постом отгонял от себя искушения, так он и других всю жизнь учил бороться с ними и твердо верить в помощь Божию. Вот какими словами поучал он, например, игумению Марию в одном своем письме к ней: «Терпи и надейся получить помощь Божию, а с ней можешь победить и все восстания врага душ человеческих. Не было бы искушений, не было бы венцов. Воина за то венчают, что он грудью стоит против врага за свое отечество. Враг же души нашей гораздо опасней всех тех врагов, которые бывают в обыкновенном сражении».

Предавшись посту и молитве, святой старец последние годы своей жизни никуда не ходил, кроме храма Божия, и все время пребывал в своей келье. До выхода за штат отцу Алексею много приходилось ездить по приходу и исполнять всевозможные требы, и ездил он ко всем с великой радостью и готовностью. Ходить же в гости он не любил, не любил праздно проводить время, не любил праздных разговоров и всегда отказывался от всяких приглашений. Бывал он только, да и то в самых крайних случаях, у своей внучки, у сына Льва (бездетного священника в соседнем селе) и в барском доме у помещика села Бортсурманы Д. С. Пазухина, которого он очень любил и уважал. Сам помещик и вся его семья в свою очередь глубоко почитали отца Алексея, преклонялись перед его многотрудной и святой жизнью и оказывали ему всякое внимание и почтение. Уважали и глубоко почитали его и многие другие помещики, не только из его округа, но и из соседних губерний; ездили к нему, писали ему письма, просили его благословения, совета, его святых молитв. Все, кто только знал его, признавали его за великого угодника, молитвенника и целителя.

И немудрено, что шла такая молва о нем.

Сам преподобный Серафим Саровский, ни разу не видев отца Алексея, отзывался о нем так: «Сей человек своими молитвами подобен свече, возжженной пред престолом Божиим. Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих монахов. Он как звезда горит на христианском горизонте».

Когда к преподобному приходил кто-либо из тех мест, где жил отец Алексей, он всегда отсылал их обратно, со смирением уверяя, что у них есть свой усердный ходатай и молитвенник пред

Богом, священник села Бортсурманы, отец Алексей, который нисколько не ниже его, «убогого Серафима».

Вот какое предание дошло до наших дней. Однажды умер в приходе отца Алексея мальчик лет двенадцати. Событие, конечно, печальное, но для жителей села Бортсурманы оно было как гром среди ясного неба. Плач и рыдания вошли почти и каждый дом. Одни винили себя в этой внезапной смерти, другие сокрушались о драгоценной потере. Потеря и в самом деле была велика — по величию дара, которым наделил Господь этого дивного отрока.

Он и впрямь точно родился ангелом. Все так и принимали его за ангела. Куда бы он ни пришел, всюду приносил с собой небо. Бывало, дерутся мужики или бабы, друг дружку таскают за волосы, вдруг появится на пороге он, застынет в дверях, не проронит ни слова, только взгляд его такой необыкновенный, такой неопишимо прекрасный, что как увидят его, так и уймутся... А он улыбнется, станет вдруг таким ясным, светлым и выпорхнет вон. И стали замечать, что неспроста он появляется там, где шли ссоры да драки. Ибо стоило ему показаться, как тотчас водворялся мир... За это и прозвали его ангелом. Так и порхал он от избы к избе, лишь к винной лавке никогда не приближался. Никто и никогда не слышал от него ни одного слова, разве родителям что-нибудь скажет. А родители его были простые крестьяне. И когда станет он говорить им о Царстве Небесном, о том, что говорят ему Ангелы, они слушают молча и, ничего не понимая, только крестятся на него, как на святого.

И вот пришла беда. По случаю какого-то торжества перепились мужики, пошел разгул чуть не на неделю и завершился, как всегда, побоищем.

А мальчик взял да и умер... Как только облетела страшная весть село, поднялся такой вопль, что хмеля как не бывало. Виновики рвали на голове волосы, винили себя в смерти отрока. Бабы выли и причитали, все село, окружив избу, где лежал усопший, плакало и каялось пред Богом в грехах, забыв и о работе, и о хозяйстве. А мальчик лежал в гробу как живой, и на лице его светилась улыбка. Как глянут на него, так то одного, то другого без чувств вынесут из избы. И целую неделю не хоронили его, пока не показали признаки разложения. Тогда принесли гробик в церковь. Началось отпевание. От слез и рыданий ни священник не мог служить, ни певчие петь. Лишь к пяти часам можно было начать подходить к последнему целованию. Все стояли, как на Пасхальной заутрене, с зажженными свечами. Всяк винил себя в его смерти. На тех, кто пьянствовал да дрался, жалко было смотреть...

Не менее других переживал это событие отец Алексей. Старенький, согбенный, он отошел от гроба и, войдя в алтарь, стал пред престолом с воздетыми руками.

— Боже мой, Боже мой! — громко прозвучали проникновенные, исполненные глубокой веры слова молитвы. — Ты видишь, нет у меня сил дать отроку сему последнее целование... Не попусти же меня, старца, раба Твоего, иерея, уйти из храма сего посрамленным, да не посмеется надо мною, Твоим служителем, враг рода человеческого, что я по немощи своей прервал требу сию... Не по силам она мне, Господи... Внемли стенаниям и плачу раскаявшихся, внемли страданиям родительского сердца, внемли старческому моему воплю... Не отнимай от нас отрока сего, Тобою данного нам во исправление, для вразумления, для утешения и прославления имени Твоего Святого... Не Ты ли, Господи, сказал, что дашь все, о чем с верою будем просить Тебя? Не Ты ли, Милосердный, изрек: «Просите, и дастся вам»?.. Боже Праведный, в храме сем нет никого, кто бы смог подойти к отроку сему с целованием последним... Нет этих сил и у меня, старца... Боже наш, помилуй нас, услыши нас, Господь и Бог мой...

Все стихло... Опустившись на колени перед престолом, как с живым уже беседовал отец Алексей с Богом.

— Так, Господи, так, но воскреси же его, ибо Ты все можешь, Ты наш Господь и Вседержитель... по смирению, а не по гордости дерзаю...

Обернувшись, отец Алексей увидел мальчика, сидящего во гробе. Склонившись пред престолом, тихо плача, он стал благодарить Господа. Затем с помощью диакона поднялся и, опираясь на его руку, вышел из алтаря. Что творилось в эту минуту в церкви, передать трудно. Женщины тянулись с плачем к мальчику, чтобы завязать ему глаза. А он даже не отбивался и молча глядел на них. Только к одной наклонился и сказал тихо: «Не надо...» А она так на всю церковь и закричала: «Голубочек мой, ангелочек наш, не надо, так и не надо!..»

Протиснувшись ко гробу, отец Алексей взял отрока на руки, отнес в алтарь и, опустившись на колени, посадил его на стул, да так, стоя на коленях, и причастил его. От потрясения он уже не мог стоять на ногах. Велел передать отрока родителям, а сам потребовал поставить на середине церкви стул и сидя отслужил молебен Спасителю и прочитал акафист Божией Матери. На этом же стуле отца Алексея принесли домой и уложили в постель, где он пролежал с неделю. После этого чуда батюшка прожил еще три года, а отрок шесть лет и умер на девятнадцатом году.

Немало чудесных исцелений совершил святой Алексей. В сороковых годах XIX века в городе Курмыше жили муж с женой, Растригины. У них была дочь Татьяна, которая с рождения не владела ногами, они у нее были сухими. Наслышавшись много про святость отца Алексея, родители решили отправиться к нему и попросить его помолиться о ребенке. Девочке в это время было шесть лет. Несмотря на то, что сам Растригин был человек состоятельный (он торговал красным лесом и

держал паром на реке Суре) и мог бы нанять лошадей, жена его из усердия отправилась в Бортсурманы (двадцать пять верст от Курмыша) пешком, неся всю дорогу ребенка на руках. В Бортсурманы пришли они уже к вечеру. Когда вошли в келью к отцу Алексию, он тут же назвал девочку по имени, хотя видел ее первый раз в жизни, положил руку ей на голову, благословил их обеих и помолился с ними. На другое утро опять помолился и помазал больные ноги ребенка маслом из горящей перед образом лампадки. Благословив, он отпустил их, сказав, что будет молиться о них. Когда Растригина со своею дочерью отошла двенадцать верст от Бортсурман, девочка стала просить спустить ее на землю. Хорошо знала мать, что дочка не может сама двигаться, и так ей стало горько от ее просьбы, что она даже заплакала, но все-таки спустила девочку на землю. К великому удивлению своему, она увидела, что девочка ее, слабо шевеля ножками, поползла вперед. Вскоре она опять взяла ее на руки, но несколько раз по просьбе ее спускала на землю, и каждый раз девочка все лучше и лучше владела ногами. Когда же они пришли в Курмыш, то девочка, уже совсем твердо стоя на ногах, вошла к себе в дом.

Приблизительно в то же время жил в городе Курмыше один рыбак, Лука Шулаев. Раз как-то ему в руку вошел крючок от удочки. Рука сильно вспухла и разболелась. Его уговаривали идти к доктору, но он все отказывался. Стало ему очень плохо, день ото дня все хуже; тогда он решился, наконец, последовать доброму совету и отправился к доктору. Доктор, увидев его руку, сказал ему, что он пришел слишком поздно и что теперь ему ничем нельзя помочь. Тогда он в страхе пошел в Бортсурманы к отцу Алексию и попросил его помолиться о себе. В ту же ночь он увидел во сне, будто к нему подбежала крыса и выкусила все то место, куда вошел крючок. Наутро он проснулся здоровым.

У крестьянки Зиновии из деревни Лисья Поляна пять лет болели нога и бок. Ходила она к отцу Алексию, он молился над ней, несколько раз благословлял, и по молитве его она совсем выздоровела; скоро она вышла замуж и дожила потом до глубокой старости.

Крестьянин Нижегородской губернии Сергачского уезда села Ожгибовка Алексей Шляпников страдал несколько месяцев болезнью, от которой его скрючило. Знакомая женщина посоветовала ему отправиться к отцу Алексию и попросить его помощи. Отец Алексей оставил его у себя и сказал, что даст знать родным, когда за ним приедут. Через неделю он послал за ними. Они приехали и застали Алексея Шляпникова совсем здоровым. Он рассказывал, что отец Алексей не давал ему никаких лекарств, а только молился над ним, читал «книжку» (Требник) и три раза в день благословлял. Через неделю он стал совсем здоров.

Как-то раз привезли в Бортсурманы бесноватого, здоровенного, огромного роста, связанного по рукам и по ногам железными цепями. С ним вместе приехали отец и брат его. Остановились в избе недалеко от дома священника. Укладываясь спать, родные, помимо цепей, окружили бесноватого еще веревками и привязали концы их к матице (к потолку). Ночью весь дом был разбужен страшным шумом и криками. Оказалось, что привезенный больной перервал на себе все цепи и веревки и четыре мужика едва-едва могли справиться с ним и снова уложить его на лавку. Наутро отец с братом повели его к отцу Алексию. Как рассказывали они потом, отец Алексей положил его на пол, им приказал стать по правую руку, а сам начал читать молитвы над больным, потом благословил и велел привести его к себе на другое утро. Вышел он оттуда совсем тихим и спокойным, ночь провел тихо и не бушевал. На другой день отец Алексей опять положил его на пол, но ничего не читал над ним, а только поставил ему на грудь икону Смоленской Божией Матери, перед которой он сам всегда молился; потом благословил и отпустил с миром. Перед выездом из Бортсурман с бесноватого сняли кандалы в кузнице, и он отправился домой совсем здоровым. Вообще очень много сумасшедших и бесноватых возили со всех сторон к отцу Алексию, и все они выздоравливали по его молитве. Один из них, купец, которого привезли издалека, в память своего исцеления пожертвовал в бортсурманскую церковь чугунный пол, который и был в ней до разорения (до наших дней сохранилось только три плиты). Был отец Алексей не только целителем, но и прозорливцем.

Однажды помещику села Бортсурманы Д. С. Пазухину пришлось уехать по делам в Москву. Долго не было от него никаких известий, и жена его, Елизавета Николаевна, сильно тревожилась о нем. Жили они душа в душу, и он часто писал ей, когда бывал в отлучке; а тут она не знала, что и подумать: не заболел ли он, не случилось ли с ним чего. В это время пришел к ней отец Алексей. Она ему очень обрадовалась, стала говорить про мужа, как у нее сердце болит по нему; думала, что он успокоит ее. Но отец Алексей точно и не слышал того, что она рассказывала, и вдруг говорит ей:

— Не горюйте об Екатерине Николаевне, она довольно пострадала, теперь наступила пора ей отдохнуть.

Екатерина Николаевна была ее родной сестрой, жила она в Москве и с самой молодости постоянно хворала. Очень ее удивили такие слова отца Алексея, и она ему в ответ на это сказала:

— Что вы, батюшка, так говорите про Екатерину Николаевну, точно про покойницу? У нее, правда, здоровье плохое, но только она не умирала, она жива.

А отец Алексей ей опять на это:

— Не горюйте о ней, много она помучилась, а теперь она отдохнет.

Да так с этими словами и ушел. И осталась бедная барыня в большой тревоге: и о муже тревожится и, после слов отца Алексея, о сестре беспокоится. Тут вскоре получила она письмо от мужа, в котором говорилось, что он долго не писал, так как думал скоро вернуться, и что его задержала в Москве Екатерина Николаевна: она вдруг захворала; все думали, что она поправится, а она неожиданно скончалась. И скончалась она как раз в тот самый день и час, как приходил отец Алексей.

У помещика Шипилова жила в усадьбе птичница Пелагея Тюрина. Муж ее, Гаврила, человек был жестокий и нещадно бил ее. Не только сама несчастная женщина, но и окружающие ее люди были уверены, что он когда-нибудь убьет ее. Раз как-то в полном отчаянии пришла она просить заступничества отца Алексея. Помолвившись вместе с нею, отец Алексей отпустил ее с миром, сказав, чтобы она не беспокоилась, так как эти дни муж не тронет ее пальцем, что скоро приедет барин, поговорит с ним, и после этого он уже никогда больше не будет бить ее. И правда, несколько дней подряд, ко всеобщему удивлению, прошли спокойно для Пелагеи. Потом приехал барин и вызвал к себе Гаврилу. Вышел он на себя не похож, голова низко опущена. Пелагея думала, что он сейчас набросится и начнет бить ее, но он ее не тронул. Стала она со страхом ждать ночи, думая, что уже тогда ей, наверно, не миновать смерти. Но ночь прошла без побоев; так же прошли и все следующие дни. Так до самой смерти, как предсказывал отец Алексей, муж уже ни разу не бил ее.

Жила в Бортсурманах одна крестьянская девушка, Афимья (Евфимия) Аникичева. Собралась она как-то идти в Киев на богомолье и пришла к отцу Алексею за благословением. Он сказал ей, что во время путешествия ей придется нести тяжкий крест. Ее это так напугало, что она подумала отказаться от путешествия, но отец Алексей уговорил ее не отступаться и надеяться на помощь Божию. Тут же он сказал, что это не последнее ее паломничество и что она еще раз после этого побывает в Киеве. По слову его она отправилась и благополучно дошла, но на обратном пути заболела сильнейшей горячкой и сильно мучилась. Больную, измученную, ее никто не принимал у себя, когда она просила крова и отдыха. В одном месте ее, однако, продержали три недели. Еще очень слабой пошла она дальше и, как сама рассказывала, пролеживала иногда целые дни возле дороги; временами подвигалась вперед ползком. Однако дошла до Бортсурман и, в самом деле, еще раз после этого была в Киеве.

Афимья приходила иногда в келью к отцу Алексею, приносила дрова, мыла пол. Раз как-то она заметила кровь на одежде отца Алексея, и ее очень обеспокоило, откуда она могла взяться. Ночью, когда он крепко спал, она подошла к нему. Около его постели в ногах всегда лежал какой-то предмет, тщательно скрытый грубой крестьянской дерюгой. Мучимая любопытством, она подняла дерюгу и увидела под ней камень. Она поняла, что об этот камень и разбил себе отец Алексей на молитве ноги в кровь. Пораженная виденным, она опустила дерюгу и тихо отошла от кровати, не разбудив его. На следующее утро, к ее великому удивлению, отец Алексей начал мягко выговаривать ей: «А ведь ты, Афимьюшка, согрешила этой ночью. Любопытство большой грех, никогда не следует допытываться и тайком узнавать то, что скрывают». При этом он запретил ей рассказывать про виденное, и она никому не говорила об этом до самой его смерти.

Курмышская мещанка Наталья Григорьевна Кузнецова рассказывала, что как-то раз мать ее, Ульяна Лукинична, пришла к отцу Алексею. Хотя он видел ее в первый раз, он назвал ее по имени и обратился к ней с такими словами: «Ульянушка, берегись, твоя смерть на пороге». И в самом деле, очень скоро после этого она вдруг умерла от удара.

Рассказывают еще такой случай с одной старушкой из деревни Козловки (Бортсурманского прихода). Пришла она как-то Великим постом ко всеобщей в Бортсурманы. Стояла большая распутица, и трудно было добираться домой и опять на другое утро возвращаться в церковь, и она попросила у отца Алексея позволения переночевать у него. Ночью она проснулась и видит, что отец Алексей стоит перед аналоем, молится, усердно кладет поклоны. В келье полутемно, горит одна только лампада перед образом. Стала она раздумывать о том, как это отец Алексей может так непрерывно молиться; на что утомительны службы великопостные, а он и ночью не дает себе покоя. С этими мыслями она опять заснула. Проснулась во второй раз, видит: вся келья залита каким-то необыкновенным ярким светом, отец Алексей с воздетыми руками, сам весь светится и отделяется от земли. Увидела она это, перепугалась и закричала. Свет тут же исчез, отец Алексей опустился на землю, подошел к ней, стал ее успокаивать и уговаривать и велел никому не рассказывать про то, что она видела. Долго хранила она свое обещание и только после смерти отца Алексея рассказала нескольким близким людям про то, что ей удалось видеть той ночью.

Сколько бы народу ни приходило к отцу Алексею, в какое бы то ни было время, он всегда всех принимал. Ни слабость, ни болезнь не останавливали его.

С 1 января 1848 года силы заметно стали покидать отца Алексея, он не в состоянии уже был совершать служб церковных, и по просьбе его родные водили его в храм Божий. Несмотря на это, он почитал за великий грех отказывать приходящим к нему и через силу исполнял прошения каждого. К Великому Четвергу Страстной недели он так ослабел, что не в силах был приподняться сам, пройти по комнате, вкушать пищу. Пострадав таким образом до 21 апреля 1848 года, ежедневно приобщаясь Святых Тайн, он окончил свою многотрудную жизнь к великому горю всех его знавших. День его кончины был ясный и теплый. Вся площадь перед церковью была полна народа, который

сошелся, чтобы в последний раз увидеть отца Алексея. Он сидел у открытого окна; взор его переходил от иконы, в переднем углу комнаты, к народу, который стоял на площади. Многие стояли на коленях, многие тихо плакали, никто не осмеливался нарушать торжественную тишину. От времени до времени отец Алексей в открытое окно благословлял народ, благословлял до тех пор, пока не опустилась его благословляющая рука, чтобы больше уже не подняться, пока не закрылись навеки его глаза, в которых до последней минуты отражалась молитва к Богу о людях.

Похоронили отца Алексея в церковной оgrade против алтаря. Памятник над ним поставил один нижегородский помещик, который почитал отца Алексея как великого подвижника, был его духовным сыном и всю жизнь ездил к нему за молитвами и советами.

Перед смертью святой праведный Алексей всех утешал, просил не печалиться и говорил, что он не совсем уходит от народа, что кто его будет помнить, того и он не забудет. Непонятны были эти слова людям, и никто не умел истолковать их. Впрочем, вскоре после его кончины все прояснилось. Приехали в Бортсурманы две купчихи, мать с дочерью, и остановились в избе, недалеко от дома священника. Стала дочь рассказывать, что привезла свою больную мать к отцу Алексею, чтобы он помолился о ее исцелении. Мать ее была безумная и буйная к тому же. Хотя и далеко жили они от Бортсурман, а все-таки и до них дошел слух, что много таких больных возят к отцу Алексею и что все они по молитве его получают исцеление. Когда дочь узнала, что отца Алексея несколько дней уже как схоронили, то заплакала и стала жаловаться на судьбу, что теперь уже некому помочь ее матери. Дочь заливается слезами, а мать буйствует, непристойные слова выкрикивает, отца Алексея псом ругает. Так стало тяжело несчастной, что попросила она добрых людей покараулить ее мать, а сама побежала на могилу отца Алексея: захотелось ей хоть немного поплакать на ней, хоть немного душу свою отвести. Отслужила по нему панихиду, поплакала, помолилась и пришла домой — а мать ее сидит на лавке, совершенно спокойно, разумно со всеми разговаривает, не шумит, не бушует, словно больна никогда не бывала. Переночевала здесь дочь с матерью и на другое утро повезла ее домой совсем здоровой. Тут только понял народ, что значили слова, которые говорил батюшка перед смертью: «Кто меня будет помнить, того и я не забуду», и с тех пор стали ходить к нему молиться на могилу, как прежде, при жизни его, ходили к нему самому. И много людей ходило на могилу с молитвою, и много чудес творилось на ней.

Вот еще несколько случаев исцелений, которые совершились после смерти отца Алексея, на его могиле.

Крестьянка села Ожгибовка Анна Аполлоновна жестоко страдала несколько лет тяжелой болезнью и лежала неподвижно. Раз в бреду или во сне увидела она двух старцев, которые коснулись ее ног. Придя в себя, она почувствовала некоторое облегчение и дала обет отслужить панихиду на могиле отца Алексея. Чтобы не откладывать, она через силу собралась и с посторонней помощью, временами ползком, прибрела в Бортсурманы и отслужила панихиду. После этого она быстро поправилась.

У другой ожгибовской крестьянки, Натальи Матюшиной, заболела дочь Анастасия, десяти лет. Несколько дней подряд у нее болело под ложечкой, есть она почти ничего не могла и очень трудно дышала. Пошла Матюшина к помещице села Ожгибовка просить для дочери лекарства. Лекарства у барыни не оказалось, и она дала Наталье крошечку земли с могилы отца Алексея, велела ей хорошенько помолиться Богу вместе с девочкой и после этого дать ей выпить немного воды с этой землей. Матюшина обещалась через сутки прийти и сказать барыне, что будет. На третий день она пришла, очень благодарила и рассказала, что дочка выздоровела, как только приняла этого питья.

Хворал в Ожгибовке от желудка один четырехлетний мальчик, Шляпников; особенно мучился и кричал по ночам. Как только, по совету добрых людей, мать дала ему немного воды с землей с могилы отца Алексея, так в ту же ночь ребенку стало лучше, и он начал поправляться.

В 1893 году, схоронив своего мужа, приехала в город Курмыш вдова лесничего Наталья Петровна Мурзанева с грудной дочерью Верой. Девочка была слабенькая, малокровная, постоянно хворала и страдала какими-то непонятными припадками. Несчастливая мать обращалась к докторам, клала ребенка в больницу — ничего не помогало. Когда девочке было пять лет, Наталье Петровне кто-то посоветовал отвезти дочь на могилу отца Алексея и отслужить по нему панихиду. Так она и сделала. В родительскую субботу отправилась она с дочерью в Бортсурманы, простояла обедню, потом вместе с крестным ходом пошла на кладбище; во время панихиды по отцу Алексею посадили девочку на землю возле его могилы. С того дня прошли у нее бесследно и припадки, и малокровие. В 1908 году у Веры Александровны Пазухиной отравился маленький сын. В городе, где они жили, помощник кондитера, подросток, рассердился на повара и, чтобы ему отомстить, насыпал в шоколадную массу для конфет сильнодействующий яд. В городе было много отравлений, но о причине их догадались не сразу. Принесли конфет и Вере Александровне. Яд попал неравномерно, и отравился в семье только сын Веры Александровны, Саша. Врач признал положение безнадежным и сказал, что придет утром, да и то только для того, чтобы поддержать Веру Александровну.

Мальчик уже вытягивался и холодел. Вера Александровна положила крупицу земли с могилы отца Алексея в воду и эту воду влила мальчику в рот.

Судороги прекратились, вскоре тело потеплело; утром пришел доктор и сразу спросил:

- В котором часу умер мальчик?
- Он жив.
- Это чудо Божие, — сказал доктор.

Чудесное исцеление было в семье бортсурманской крестьянки Прасковьи Сеяновой. Зимой 1911 года одна из ее внучек, четырехлетняя Маша, тяжело заболела корью. Корь, наконец, прошла, но девочка продолжала лежать пластом: ноги у нее отнялись и висели, как плети. Накануне Николина дня, храмового праздника в селе Бортсурманы (святителю Николаю посвящен престол правого придела храма), посоветовала Прасковья дочери своей отнести девочку причастить и отслужить панихиду на могиле отца Алексия. Та так и сделала. На другое утро, 9 мая, все дети побежали в палатки, которые в этот день в Бортсурманах раскидывали на площади перед церковью. Вслед за ними потянулась и маленькая Маша, которая до того все время лежала неподвижно; она сама надела чулки и башмаки и вышла за детьми на улицу. С этого дня девочка стала здорова. Бортсурманский крестьянин Иван Губин, будучи солдатом в Сибири во время Японской войны, захворал поносом. Долго он мучился, пока не вспомнил, что у него взята была с собой земля с могилы отца Алексия. Он насыпал щепотку ее в стакан воды, сам с молитвой выпил несколько глотков, а остальное передал другому бортсурманскому солдату Гавриле Мигунову, захворавшему с ним и одно время, и оба выздоровели.

Крестьянка Елена Небасова мучилась зубной болью. Как только она приняла воды с землей с могилы отца Алексия, боль у нее прошла.

Другая бортсурманская крестьянка, Аграфена Крылова заболела лихорадкой. Лечил ее фельдшер, давал разные лекарства, но ничто не помогало; тогда мать принесла ей земли с могилы отца Алексия. Три раза приняла она ее с водой, и лихорадка оставила ее и уже больше не возвращалась.

У крестьянки села Майданы (Курмышского уезда) Анастасии Степановой хворал четырехлетний сын Ванюша. Временами у него делались припадки и изо рта валили целые клубки пены. Мать приехала с ним и отслужила панихиду на могиле отца Алексия, с того дня мальчик выздоровел.

Крестьянин Нижегородской губернии Васильевского уезда деревни Высокая Слобода по имени Николай Юдин опасно захворал: сначала заболела спина, потом грудь, дышать стало трудно, начали отказывать ноги, потом его всего свело, и он стал калекой. Так он хворал четыре года; лечился у разных докторов, но ни один не мог ему помочь. По совету бортсурманского крестьянина Семена Губина поехал Николай помолиться на могилу отца Алексия, и стало ему тут же гораздо легче, а через несколько дней он был уже совсем здоров.

Не проходило ни одного воскресенья, ни одного праздника, чтобы не служили панихид на могиле отца Алексия. Почти все увозили с собой землю с его могилы и землю эту как целебную берегли и принимали с водой в случае болезни. Народ ждал открытия его мощей, и много ходило рассказов о том, что настало время «выходить ему на землю». Еще больше пошло об этом толков после одного случая, который приключился с бортсурманским печником Герасимом Чудаковым. Он договорился поставить памятник над могилой отца Павла Вигилянского, которому отец Алексей передал свое место. Похоронен он недалеко от отца Алексия. Герасим выкопал яму и положил брусья, которые должны были поддерживать памятник, а так как могилы очень близко одна от другой, то брусья эти уперлись прямо в могилу отца Алексея. Ночью — он сам хорошенько не знает, было ли то во сне или наяву, — но только, не видя никого около себя, он явственно услышал голос, который говорил ему: «Герасим, неладно ты начал твою работу». Очень его это удивило, и он спросил, что же в ней неладного. Тот же голос ответил, что он должен знать, как знают и как говорят все на селе, что отцу Алексею должно «выходить мощами» и что если он оставит брусья так, как он их сейчас положил, то при вскрытии мощей памятник отцу Павлу непременно сломают и сбросят на землю, и работа его пропадет даром. Так его поразили эти слова, что на другое утро он пошел посоветоваться с матушкой, и они вдвоем решили переложить брусья в другую сторону, чтобы они не касались могилы отца Алексия.

Рассказывали еще, что перед смертью отец Павел завещал похоронить себя рядом с отцом Алексием, так чтобы гробы их касались стенками. Когда начали разбивать землю (время было зимнее, и земля была промерзшая), то лом, которым работали, согнулся в дугу; принесли новый лом, он так же, как и первый, согнулся дугой. Тогда отцу Павлу вырыли могилу, хотя и рядом с отцом Алексием, но все-таки не совсем вплотную с ним. Как отнесли могилу подальше, так уже ни один лом больше не сгибался.

Множество чудес творил святой Алексей при жизни, и до сего времени творятся им чудеса. Недаром еще задолго до его всероссийского прославления (в августе 2000 года) почитал его народ скорым помощником и ходатаем перед Богом, и ныне не иссякает поток людей, с теплой верой и любовью приходящих к его святым мощам.